

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ НОМЕРА

ХРАНИТСЯ В АРХИВЕ

«Все мелело перед Щепкиным...»

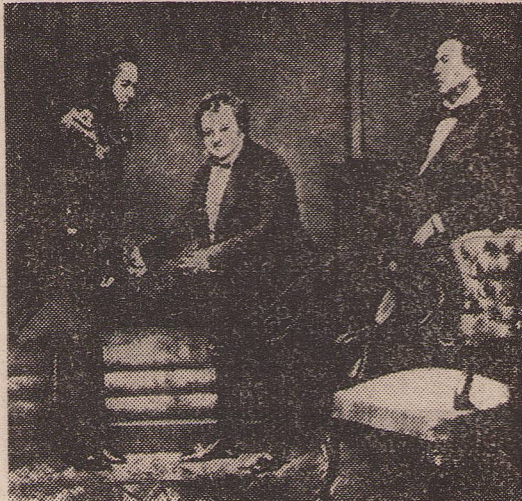
Сцена из «Горя от ума»

А. С. Грибоедова.

М. С. ЩЕПКИН — Фамусов,

И. В. САМАРИН — Чацкий,

Г. С. ОЛЬГИН — Скалозуб.

Мемуарная литература о великом русском актере Михаиле Семеновиче Щепкине весьма значительна. Однако поиски в архивах приводят к новым находкам. Одной из них хочется поделиться с читателем.

Автор публикуемого ниже театрального очерка — барон Евгений Андреевич Розен (1826 — не позднее 1899), сын денатриста. В 1840-е годы он жил в Петербурге, обучался в известном Училище правоведения. Тогда же страстно влюбился в театр, стал его знатоком и за всегдатаем. Дошло до того, что юный правовец забросил юриспруденцию и попытался поступить на профессиональную сцену. Но затея не имела успеха, и дело кончилось службой в гвардейском уланском полку. Е. А. Розен дослужился до штаб-ротмистра, затем вышел в отставку и поселился в деревне. Здесь, на покое, он и предавался воспоминаниям. Разумеется, нашлось в них место и Щепкину:

«...Утром в субботу я возвращался в Училище... По дороге зашел в кондитерскую и прочел на воскресенье следующее заманчивое объявление: «Горя от ума», комедия в 4 действиях, в коей роль Фамусова исполнит М. С. Щепкин». Этот даровитый актер приехал в Петербург на два месяца сыграть свои лучшие *gastrolle*, которые и начались еще с 11 сентября...

Я уже видел однажды «Горя от ума», но не видел Фамусова, потому что П. И. Григорьев 1-й в этой роли походит на отставного военного, нисколько не воплощая грибоедовского типа. Я уже говорил, что видел в этой пьесе только два грибоедовских лица, Платона Михайловича Горичева и Молчалина, воплощенных, согласно идее автора, актерами Третьяковым и В. В. Самойловым. Теперь мне предстояла надежда увидеть грибоедовского Фамусова, и она осуществилась блестящим образом.

Такого Фамусова, как М. С.

Щепкин, конечно, уже никогда не будет. Щепкин был в полном цвете сил и таланта, когда господствовал этот тип в первой четверти XIX века, он мог его высмотреть. Конечно, он объективировал его как человек обширного ума, а с другой стороны, наглядно он его изучал, когда в начале своего поприща бывал занимаем на званые вечера богатых бар в качестве официанта.

Щепкин — из крепостных, и в начале своего поприща долгое время был провинциальным актером. Может быть, на это некоторые улыбнутся; на это я скажу, что такое наглядное наблюдение бывает иногда благотворнее, чем наблюдение равного над равным. Гости все на сцене, а официант не только служитель, но и зритель, и через свою безучастность в веренице гостей ему еще лучше можно подметить, нежели последним.

Мы не берем на себя непосильного нам труда отдавать отчет об игре Щепкина в роли Фамусова, но скажем, что с первого появления его, когда он застаёт Лизу, переставляющую часы, и потом заигрывает с ней при словах: «Ой, зелье, баловница!» — мы увидели истого московского барина первой четверти нынешнего века. Мы совершенно забыли, что находимся в театре и видим не настоящую, но воспроизводимую действительность, и с жадностью смотрели на тип Фамусова, уже и в 40-х годах сделавшегося преданием. От него так и веяло поколением, сменившим собой екатерининский век и вспоминающим этот век с раболопным восхищением. Это слышится всего явственнее в его рассказах о Максиме Петровиче — Щепкин повествует об этом неподражаемо!

Схватка с Чацким, когда он затыкает себе уши и говорит: «Под суд, не слушаю, под суд!», — также верх совершенства. Все зрители с жадностью ловили каждое слово Щепкина, и это несколько утомляло, по

той простой причине, что голос Щепкина слаб для большой сцены; в меньшем театре, каким тогда был Михайловский, это было бы не так ощутительно. Как довелось мне слышать от знатоков... несколько слабый орган голоса — единственный недостаток гениального Щепкина... Совершенства нет под солнцем, да и не должно быть, по мнению некоторых мыслителей.

В III акте роль Фамусова невелика... в IV акте роль его рельефнее, и сколько был верен (Щепкин. — М. Ф.) типу Фамусова в первых двух актах, столько и здесь блистательно завершил этот тип, весь составленный из преданий, узких взглядов, предрассудков и самой пошлой морали. Все это так было выражено Щепкиным, как, конечно, уже никем не будет выражено и как мы никогда не увидим, хотя бы и прожили мафусаиловы годы.

Об остальном не будем говорить... Все мелело перед Щепкиным, или — лучше сказать — было совершенно бесцветно. Яркость красок, приданных Щепкиным лицу Фамусова, еще более показывала несостоятельность остальных исполнителей...

Воспоминания Е. А. Розена были написаны в 1871—1872 годах на основании давнишних дневников. Ныне они хранятся в Москве, в рукописном отделе Государственного Центрального театрального музея имени А. А. Бахрушина.

Михаил ФИЛИН

Сценические образы, входящие в репертуар гастролера (нем.).

Речь идет о выступлениях М. С. Щепкина на сцене Александринского театра осенью 1844 года.

Григорьев 1-й Петр Иванович (1807—1871) — актер петербургской труппы, драматург.

То есть П. М. Горича.

У Грибоедова: «Не слушаю, под суд! под суд!».